

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИРАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ СИМИН ДАНЕШВАР И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РОМАНА “ПЛАЧ ПО СИЯВШУ” (“СУВАШОН”) НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Амирреза Моллаахмади Дехаги

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Статтю присвячено дослідженню мовної особистості Сімін Данешвар, сучасної іранської письменниці. Розглянуто також основні типи мовної культури, репрезентовані в її романі “Плач за Сіявшем” (“Сувашон”). Основна мета дослідження – пошук засобів відтворення авторського стилю в російській мові.

Ключові слова: тип мовної культури, православна культура, ісламська культура, проблеми перекладу.

Статья посвящена исследованию языковой личности Симин Данешвар, современной иранской писательницы. Рассматриваются также основные типы языковой культуры, представленные в её романе “Плач по Сиявшу” (“Сувашон”). Основная цель исследования – поиск средств воспроизведения авторского стиля в русском языке.

Ключевые слова: тип речевой культуры, православная культура, исламская культура, проблемы перевода.

The article deals with the lingual personality of the modern Iranian writer Simin Daneshvar. The several types of speech culture have been shown in her novel “Suvashon”. The main aim of this research work is to find some appropriate substitutes for her literary style in Russian.

Key words: type of speech culture, Orthodox Christian culture, Islamic culture, problems of translation.

Понятие языковой личности, которое в последнее время активно разрабатывается в русской лингвистике, впервые было сформулировано в работе В. В. Виноградова “О поэтическом языке” (1980). Не случайно это открытие было сделано в связи с исследованием литературного творчества. В. В. Виноградов считал необходимым изучение речи как сферы творческого развития языковой личности. Разработка понятия языковой личности принадлежит Ю. Н. Караулову (“Русский язык и языковая личность”, 1987; “Язык и личность”, 1989) [3, с. 61]. Согласно его представлениям, языковая личность включает в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, преломлённые через язык. Наличие социально-культурной доминанты в структуре языковой личности каждого человека позволяет говорить о существовании общенационального типа. Ю. Н. Караулов исследует общерусский языковой тип, но по аналогии можно предполагать существование других общенациональных типов, например, персидского. Всю лексику и грамматику можно подразделить на инвариантную и вариантную части. При этом наиболее интересно при характеристике языковой личности проявление именно её языковых особенностей. Теорию языковой личности органично развивают представители саратовской научной филологической школы О. Б. Сиротинина и В. Е. Гольдин, разрабатывая теорию типов речевой культуры, основанную на идее Н. И. Толстого о культурно ориентированной стратификации русского языка [4].

В нашей личной практике перевода романа выдающейся писательницы современного Ирана Симин Данешвар “Плач по Сиявшу” (“Сувашон”) на русский язык мы столкнулись с проблемами воплощения авторского стиля при помощи иносистемных и иноструктурных средств. Для этого воплощения мы считаем необходимым прежде всего теоретическое осмысление языковой личности автора романа, что поможет при переводе находить в инвентаре

русского языка необходимые соответствия. **Объектом** исследования являются речевые характеристики авторского стиля романа Симин Данешвар, выявляющие её языковую личность. Предметом исследования является воспроизведение авторского стиля романа средствами русского языка. Произведения Симин Данешвар до сих пор не переводились на русский язык. Её языковая личность ещё не исследована.

Прежде, чем приступить к рассмотрению частных случаев проблем перевода, следует отметить, что демократизация русского общества, начавшаяся ещё после революции 1917 года и получившая второй мощный толчок после событий 1991 года, в целом снизила регистр современной русской речевой культуры, что заметно в сравнении с персидской. Например, обращение *господин (госпожа)* в Иране часто употребительно и совершенно нейтрально, тогда как в русском языке оно получило оттенок негативной коннотации, которая имплицитно присутствует при восприятии перевода носителями русской культуры. Следует отметить также гораздо большую разницу между устной и письменной русской речью, обусловленную православной традицией влияния структур греческого и старославянского языков, особенно в синтаксисе, чего нет в современном персидском языке.

Принадлежа к элитарному типу речевой культуры, Симин Данешвар в своём романе воплощает все иные возможные типы (среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и народно-речевой), которые, как и в русской речевой культуре, представлены в современном Иране. Языковая личность Симин Данешвар формировалась под воздействием нескольких факторов. Происходя из аристократической иранской семьи, она стала носителем элитарной персидской культуры, исламской в своей основе. Получив образование сначала в английской школе в Ширазе, а затем в Принстонском университете (США), Симин Данешвар познакомилась с европейской христианской культурой (не только англоязычной, поскольку позиции французской культуры и французского языка в Иране с XIX века остаются очень сильными) [1, с. 174]. Как профессиональный писатель Симин Данешвар очень наблюдательна, и на страницах её произведений находят отражение точно подмеченные мельчайшие детали, в том числе и речевые особенности людей различных социальных слоёв. Симин Данешвар последовательно отстаивает равенство женщины в обществе, что в романе проявляется прежде всего в её свободном индивидуальном творческом стиле, ироничном взгляде и едких замечаниях. При переводе её романа это вызывает ряд трудностей: 1) средствами русского языка необходимо воплотить реалии персидской исламской культуры, которые не всегда известны и понятны носителям русской православной культуры; 2) средствами русского языка следует передать реалии европейской, чаще всего англоязычной, культуры, которые в романе уже воплощены средствами персидского языка (перевод перевода); 3) средствами русского языка необходимо перевести персидскую диалектную, просторечную и жаргонную лексику, которая является приёмом речевой характеристики персонажа либо приёмом авторского стиля.

Первая из указанных проблем разрешается не всегда успешно. Художественный текст далеко не всегда можно снабдить сносками и комментариями, поскольку они затрудняют его целостное восприятие. Поэтому некоторые реалии, даже тщательно сохранённые в переводе, русским читателем останутся незамеченными. Подобные проблемы возникают с самого начала. Действие романа происходит в Ширазе, который в пределах Ирана имеет свои местные культурные особенности, проявляющиеся в языке, обычаях, привычках людей. В частности, название романа (“Сувашон”) – местный диалектизм, отсылающий носителей персидской культуры к легенде о Сиявуше, мифическом герое Ирана. Название траурной церемонии оплакивания нам пришлось перевести как “Плач по Сиявушу”, хотя это только один из компонентов значения данного слова – остальными пришлось пожертвовать, так как большинство русскоязычных читателей о Сиявуше не имеют представления. Шираз – это юг

Ирана. Поэтому местный ширазский колорит мы решили воспроизвести очень осторожными вкраплениями южнорусских диалектизм и просторечий, которые не привлекают особенного внимания, но, тем не менее, отличаются от литературного языка (*умаялся, изbleвались*, как от холеры). Для сохранения разговорного стиля нам даже пришлось вполне сознательно ввести в перевод для обозначения местных сплетниц русское слово *кумушки*, явно связанное с православной христианской культурой. Оно оказалось более точным, так как в современном русском языке утратило уже свою внутреннюю форму, зато содержит меньше негативной коннотации и полностью соответствует регистру разговорно-литературного типа речевой культуры персидского оригинала. Нам важно было остаться именно в этом регистре. Диалектизмы и просторечия как средство создания местного ширазского колорита применяются нами в переводе не всегда там, где они действительно встречаются в оригинале, а там, где их было уместно и удобно употребить в русском тексте.

Русским читателем остаются незамеченными многие реалии исламской культуры и мусульманского быта. В частности, в описании девушки-служанки (“Как джинн из сказки, возникла чумаза, словно закопчённая, девка-прислужница с мангалом курившей гармалы”) носитель русской христианской культуры лишён информации о том, что джинны в исламе – духи, созданные из бездымного огня и могут быть женского пола [2, с. 130], но в данном случае эта информация не является принципиально важной. Описание одежды десятилетней девочки-мусульманки (“В чулочках-гольф и юбке выше коленок”) на самом деле мало о чём говорит православному человеку. Ведь этим описанием подчёркивается: детство вот-вот закончится, и ей нужно готовиться скрыть свою красоту от посторонних взглядов под длинной одеждой, а за право носить яркие платья ещё придётся бороться, как это делают некоторые взрослые героини романа.

Иногда переводчику приходится переводить не слова, а смысл. На свадьбе появляется эпизодический персонаж – мальчик-танцор с ровными, скорее всего, выщипанными бровями. Эта деталь может показаться странной и избыточной, но вряд ли откроет свой истинный смысл русскому читателю: возможно, мальчик представляет нетрадиционную сексуальную ориентацию. Вообще следует отметить более частое упоминание гомосексуальной культуры в иранском обществе по сравнению с русской культурой и более толерантное к этому отношение, во всяком случае, в литературе. В переводе этот намёк пришлось сделать более ярко выраженным: “Утончённый мальчик с *девичьими хватками* пел песню и танцевал”.

Носителю русской культуры очень трудно воспринять позитивную коннотацию в такой характеристике человека, как умеренность или сдержанность. Русскими людьми умеренность воспринимается скорее как неприятная черта, сдержанность граничит со скрытностью. А ведь за эту черту ширазцев хвалят иностранцы! Да ещё вдобавок символом умеренности становится кедр! Пришлось переводить персидское слово при помощи синонимического ряда: *спокойствие, невозмутимость*, и лишь затем – *умеренность*.

Всегда вызывает трудности перевода возникновение межъязыковой омонимии. Буквальный перевод текста: “Немат играл на *кануне*, а его пузатый напарник на *тапе*” пришлось видоизменить следующим образом: “Немат пощипывал струны кануна, его пузатый напарник перебирал струны тара”. Заодно мы смогли передать особенности игры на этих национальных инструментах, не отсылая читателя к подробным объяснениям в конце книги.

Особую трудность для перевода речевых характеристик составили персонажи-иностранцы (англичане). В персидском тексте не сразу становится понятно, что Сарджент Сингер – это не личное имя, а язвительное прозвище, данное местными жителями агенту британской разведки, работавшему под прикрытием продавца зингеровских швейных машинок. Такое неопределённое читательское восприятие вполне оправдывается личностью этого почти анекдотического персонажа: работая на разведку, он вынужден постоянно врать и изворачиваться,

а его враньё заметно всем окружающим. В нашем русском переводе он сразу появляется как Сержант Зингер. Агент-неудачник за семнадцать лет жизни в Ширазе так и не удосужился выучить местный язык, а вот его корявую речь, состоящую из двух-трёх слов, воспроизвести в русском переводе оказалось затруднительно.

Огромную сложность для переводчика представляют речевые характеристики ирландки Мак Магон. В переводе с персидского оригинала на русский язык нужно сохранить её ирландский акцент тогда, как она, находясь в подпитии, говорит по-английски. При этом следует помнить, что Мак Магон незаурядная творческая личность и пишет стихи, а её речь ярка и образна! Ирландский акцент своей героини Симин Данешвар воспроизводит при помощи замены безличных и неопределённо-личных синтаксических конструкций, характерных для нейтрального стиля литературного английского языка, определённо-личными: “Ты свалишься в яму и подохнешь, или же в какой-нибудь богадельне будешь искать старуху, которой скажешь: “Мама!” – потому что твоей родной матери подавала тёплое молоко не ты, а соседская девушка”. Применение такой синтаксической конструкции указывает на разговорно-фамильярный тип речевой культуры говорящего. Беда в том, что для русского литературного языка подобные конструкции вполне естественны и не вызывают необходимого эффекта. Восполнить эту лауну пришлось лексическими средствами: словами *подохнешь*, *богадельня*, *старуха*. Бессвязность речи подвыпившего человека Симин Данешвар передаёт при помощи весьма интересного синтаксического приёма: Мак Магон говорит о себе попеременно то во втором, то в третьем, то в первом лице (в первом – меньше всего).

Как ни странно, менее всего проблем возникает в передаче индивидуального стиля Симин Данешвар. Русскому читателю сразу бросается в глаза влияние на неё творчества А. П. Чехова: мы видим в романе и чеховское внимание к деталям, и чеховский юмор. Симин Данешвар не говорит просто: “Зари шепнула на ухо Юсуфу”. Нет, она рисует картину: “Волосы Зари коснулись уха Юсуфа, и она шепнула ему”, – и мы не только видим, но и ощущаем бережное отношение друг к другу двух любящих людей, любуемся их красотой, хотя перед нами возникают лишь бегло очерченные силуэты. Вообще всё, написанное Симин Данешвар, очень зримо: “За ними осторожно продвигались двое индийских солдат, дружно таща на животах огромный букет гвоздик в виде корабля”, “Некоторые из офицеров прищёлкивали каблукками и целовали дамам ручки, и когда они так делали, мужчины распрямлялись, как пружины, и вновь садились, как заведённые”, “Глаза были как два влажных изумруда, как изумруды в её серёжках”. При этом следует отметить, что автор больше придаёт значение описанию движений и действий, нежели описанию внешности человека. Вообще нам представляется возможным сравнить художественное видение Симин Данешвар с картинами французских импрессионистов: очень точно схвачено общее впечатление, переданное при помощи мельчайших мазков кисти и тончайших оттенков цвета, и при этом все детали различаются тем лучше, чем дальше зритель отступит от картины.

Русская переводческая школа складывалась в течение XIX – XX веков, более всего ориентируясь на западноевропейскую литературу. Переводов крупных произведений современной персидской литературы в последнее время не было в силу сложившихся исторических причин. Достижения переводческой практики классической ирано-персидской литературы, прежде всего поэтической, здесь неприменимы. Вот почему нам кажется очень важным использовать современные лингвистические теории в практике перевода современной литературы Ирана. Осмысление сложности языковой личности Симин Данешвар, выделение её отдельных характерных черт помогает выбрать необходимые приёмы из арсенала переводчика. Яркой чертой языковой личности иранской писательницы Симин Данешвар является органичное соединение общеиранского языкового типа, опирающегося на исламскую культуру, с европейской англоязычной культурой. Индивидуальной чертой языковой личности Симин Данешвар

является ироничный взгляд и преобладание описания действий над описанием внешности человека. В дальнейшем возможно дальнейшее исследование художественно-изобразительных приёмов её романа.

Литература

1. Кшановський О. Ч. Перська мова у функціонально-типологічному висвітленні / О. Ч. Кшановський. – К.: Видавничий дім Бураго, 2011. – 424 с.
2. Максимов Ю. В. История религий: Язычество. Иудаизм. Ислам / Ю. В. Максимов. – Сергиев Посад: Издательство Московской духовной академии, 2011. – 176 с.
3. Попова З. Д. Общее языкознание. Учебное пособие. [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.
4. Сиротинина О. Б., Гольдин В. Е. Языковые контакты и типы речевых культур: процессы и результаты // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 23–25 октября 2001 г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 317 – 318.
5. Simin Daneshvar, “*Suvashon*”. – М: «Tehran», 1969. – 305 с.